

Франс Анатолий

Красная лилия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Ф.**
Красная лилия / Франс Анатолий – М.: Книга по Требованию, 2025. – 405 с.

ISBN 978-5-521-28622-5

ISBN 978-5-521-28622-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

tiessorie de la reine Pédauque» и «Lys rouge» (которая помещена въ «48 томахъ»); Общее вниманіе обратили также «Opinions de M. Jérôme Coignard» и «Jardin d'Épicure». Между вышеназванными произведеніями и только-что поименованными—огромная разница: первыя—сочиненія юношескія, вторыя—созданія вполне зрѣлаго таланта; читатель чувствуетъ, что, и тѣ, и другія написаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, но въ разные годы его развитія. Безобидный юмористъ превратился въ сатирика, ничего не щадящаго: кроткій ученый, перефразировавшій Боккаччіо, преобразился въ отрицателя, смѣлость котораго не знаетъ границъ. Подъ красотою языка и закругленностью формъ чувствуется внутренняя сила, пользующаяся внѣшними средствами для серьезныхъ цѣлей. Зрѣлость таланта Франса особенно ярко сказывается при сравненіи повѣсти «Таисъ» съ рассказомъ «Схоластика», которые написаны на одну тему—обвиненія цѣломудрія. Но въ «Схоластикѣ» только презрѣніе и насмѣшка, а въ «Таисъ»—яростное нападеніе. Въ изображеніи нѣкоторыхъ видѣній пустытника Пафнугія Франсъ достигаетъ дантовской силы. Хотя даровитый романистъ и нападаетъ на аскетизмъ, закрывающій глаза на красоту природы и особенно женщинъ; хотя онъ и возмущается презрѣніемъ къ жизни отшельника, погрузившагося въ міръ грезъ и галлюцинацій; хотя и порицаетъ стремленіе подавить голосъ плоти, но въ глубинѣ души все же остается христіаниномъ. Увлекаясь язычествомъ, Франсъ въ концѣ концовъ на сторонѣ христіанства, которое обновило человѣчество, научивъ его любить и страдать.

«Красная лилія» — произведеніе вполне достойное таланта Анатоля Франса. Если интрига романа не отличается новизной и оригинальностью, то въ обрисовкѣ характера дѣйствующихъ лицъ и ихъ отношеній Франсъ сумѣлъ избѣжать малѣйшей банальности. По словамъ Ренэ Думика, достаточно было бы одного цыгана Шулета, чтобы романъ былъ интересенъ. Кромѣ того, въ разговорахъ затронуто столько интересныхъ лицъ, предметовъ и темъ (исторія, искусство, нравственность, Наполеонъ, Флоренція, Равенна и пр.), что, по замѣчанію Думика, во французской литературѣ нѣтъ другого романа, въ которомъ діалогъ велся бы съ такимъ мастерствомъ. Другой критикъ, Эдуардъ Родъ, написавшій объ Анатолѣ Франсѣ прекрасный этюдъ, признается, что онъ очень часто перечитываетъ «Красную лилію», находя въ ней все новыя замѣчательныя мысли и наблюденія.

КРАСНАЯ ЛИЛИЯ.

Переводъ Е. И. Власовой.

I.

Она окинула взглядомъ придвинутыя къ камину кресла, чайный столикъ со сверкавшимъ на немъ серебромъ и чудные букеты цвѣтовъ, горделиво возвышающіеся въ китайскихъ вазахъ. Ея маленькая ручка поиграла серебристо-бѣлыми шариками цвѣтущихъ кустовъ калины, потомъ она повернулась къ зеркалу и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ оглядѣла себя. Молодая женщина стояла бокомъ, склонивъ голову на плечо, и такимъ образомъ видѣла всю свою тонкую, гибкую фигуру, затянутую въ черное атласное платье съ легкимъ тюлевымъ тюникомъ, вышитымъ стеклянрусомъ и бусами; онъ весь сверкалъ и переливался яркими огнями. Ей стало интересно взглянуть поближе на свое лицо, и она подошла къ зеркалу; отразившійся въ немъ образъ спокойно взглянулъ на нее. Казалось, что даже самому стеклу нравится эта красивая женщина, съ такимъ безразличіемъ глядѣвшая впередъ; по ея взгляду видно было, что она живетъ безъ особенной радости, но и безъ глубокаго горя.

Стѣны этой большой, безмолвной и пустой гостиной были покрыты гобеленами; неясные облики изображенныхъ на нихъ людей мелькали точно тѣни и граціозно нагибались, играя въ разныя древнія игры. Глиняныя статуэтки на кронштейнахъ, группы стариннаго саксонскаго фарфора и идилліи, изображенныя на разныхъ вещицахъ северскаго фарфора, стоящихъ за стеклянными витринами, тоже твердили о старинѣ. На высокой тумбѣ среди драгоценной бронзы стоялъ мраморный бюстъ какой-то принцессы, изображенной въ видѣ Діаны: она горделиво выставляла впередъ свою грудь, какъ бы вырвавшуюся изъ складокъ одежды, а съ плафона ночь, похожая на маркизу въ пудреномъ парикѣ, разсы-

пала вокругъ себя цвѣты и маленькіе крылатые амурѣ помогали ей. Все безмолствовало вокругъ; слышалось только потрескиванье огня въ каминѣ и легкое позвякиванье бусъ и стекляруса на тюникѣ молодой женщины.

Она отошла отъ зеркала и, приподнявъ тяжелую портьеру на окнѣ, выглянула на улицу: день былъ пасмурный и сквозь черныя деревья, посаженныя вдоль набережной, виднѣлись желтыя воды Сены, переливавшіяся точно муаровая матерія. Скучный видъ этого неба и воды отразился и въ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ молодой женщины. Изъ подъ сводовъ моста Альмы появился пароходъ «Ласточка» и прошелъ мимо оконъ, увозя на себѣ скромныхъ пассажировъ къ Гренелли и Билланкуру. Она нѣкоторое время слѣдила за нимъ взглядомъ, потомъ опустила портьеру и, усѣвшись на диванъ въ своемъ любимомъ уголкѣ, среди цвѣтушихъ кустарниковъ, взяла книгу, лежавшую тутъ же рядомъ на столѣ. На полотняномъ переплетѣ желто-соломеннаго цвѣта блестяло золотомъ вытисненное названіе: «Бѣлокурал Изольда», сочиненіе Вивіанъ Белль. Это былъ сборникъ французскихъ стиховъ, написанныхъ англичанкой и напечатанныхъ въ Лондонѣ. Молодая женщина наудачу раскрыла книгу и прочла слѣдующее стихотвореніе:

Quand la cloche, faisant comme qui chante et prie,
Dit dans le ciel ému: «Je vous salue Marie»,
La vierge, en visitant les pommiers du verger,
Frissonne d'avoir vu venir le messager
Qui lui présente un lys rouge et tel qu'on désire
Mourir de son parfum sitôt qu'on le respire
La vierge au jardin clos, dans la douceur du soir,
Sent l'âme lui monter aux lèvres, et croit voir
Couler sa vie ainsi qu'un ruisseau qui s'épanche
En limpide filet de sa poitrine blanche *).

Тереза разсѣянно читала эти строки, поджидая гостей; она гораздо меньше думала о стихотвореніи, чѣмъ о женщинѣ-поэтѣ, написавшей его. Эта миссъ Белль была, пожалуй, самая симпатичная изъ всѣхъ ея друзей, но она очень рѣдко съ нею видалась; при каждой встрѣчѣ англичанка неизмѣнно называла ее «darling» и съ веселымъ щебетаньемъ точно клевала ее въ щеку своими

*) Когда колокольный звонъ точно поетъ и молится, говоря расстроганному небу: «Богородица-Дѣва, радуйся», дѣвственница, прогуливающаяся среди яблонь своего сада, вся вздрагиваетъ, увидѣвъ передъ собой вѣстника съ красной лиліей въ рукахъ, и эта лилія такъ хороша, что хочется умереть отъ ея аромата, какъ только вдохнешь его въ себя. Эта дѣвственница въ запертомъ саду среди сладкой вечерней тишины чувствуетъ, что вся ея душа поднимается къ устамъ, и ей кажется, что ея жизнь выливается изъ этихъ устъ прозрачнымъ потокомъ по бѣлой груди.

дѣлуями. Она была некрасивой и вмѣстѣ съ тѣмъ обольстительной, смѣшной и очаровательной, жила философомъ и настоящей тисткой въ Фьезоле, хотя въ Англіи пользовалась большой популярностью и ее считали самой любимой изъ современныхъ эстетессъ. Къ тѣмъ Вернонъ Ли и Мери Робинзонъ, она увлекалась итальянской живописью и ихъ искусствомъ и, не докончивъ даже своего «Триптиха», первая часть котораго вдохновила Бюрн-джона на чудныя мечтательныя акварели, писала теперь французскіе стихи, выражая ими итальянскія мысли. Миссъ Белль послала свою «Бѣлокурую Изольду» «darling» съ письмомъ, въ которомъ приглашала ее провести съ нею мѣсяцъ въ Фьезоле. «Пріѣзжайте, увидите все, что есть самаго прекраснаго на свѣтѣ, и украсите это собою», написала она.

Но «darling» сказала себѣ, что не поѣдетъ, что ее задерживаютъ дѣла въ Парижѣ, хотя мысль увидѣть Италію и миссъ Белль очень улыбалась ей. Перелистывая этотъ сборникъ, Тереза случайно прочла слѣдующіе стихи:

*Amour et gentil coeur sont une même chose *).*

И она съ легкой, но ласковой ироніей спросила себя, любила ли когда-нибудь миссъ Белль и что за любовь могла быть у нея. Въ Фьезоле у поэтессы былъ ухаживатель, князь Альбертинелли, очень красивый господинъ, но грубоватый и вульгарный, такъ что, казалось бы, онъ не могъ нравиться такой эстетической натурѣ, вложившей въ желаніе любви мистицизмъ Благовѣщенія.

— Здравствуйте, Тереза! Я совсѣмъ разбита.

Съ этими словами въ гостиную вошла княгиня Сенявина, гибкая и стройная въ своей мѣховой кофточкѣ; мѣхъ этотъ точно прилипъ къ ея смуглому тѣлу. Она бурно усѣлась и продолжала своимъ грубоватымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковымъ голосомъ, въ которомъ мужскіе звуки какъ бы сливались съ щебетаньемъ птички:

— Сегодня утромъ я пропла весь Булонскій лѣсъ пѣшкомъ съ генераломъ Ларивьеромъ. Мы встрѣтились въ аллеѣ Сплетенъ и прошли до Аржентейльскаго моста, гдѣ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ купить мнѣ въ подарокъ у сторожа ученую сороку, умѣющую дѣлать разные фокусы и прицѣпиваться маленькимъ игрушечнымъ ружьемъ. Я ногъ подъ собою не чувствую!

— Къ чему же вы повели съ собою генерала до Аржентейльскаго моста?

— Чтобы разогнать его подагру.

Тереза пожала плечами съ улыбкой:

! Любовь и милое сердце то же самое.

— Вы напрасно тратите такъ ваше злобное остроуміе бережете его!

— А вы бы хотѣли, дорогая, чтобы я экономничала моею ротой и злобой для того, чтобы пристроить ихъ въ болѣе серіозномъ мѣстѣ?

Она выпила рюмочку токайского вина.

Раздались тяжелые шаги, пыхтѣнье, и въ комнату вошелъ генераль Ларивьеръ; онъ поцѣловалъ обѣимъ дамамъ руки и сѣлъ между ними, видимо, очень довольный собой, весело поглядывая по сторонамъ, смѣясь всѣми складками своего лица.

— Какъ поживаетъ вашъ супругъ? Все попрежнему занятъ?— спросилъ онъ.

Тереза отвѣтила, что ея мужъ, кажется, въ палатѣ и даже сегодня говорить рѣчь.

Бнягиня Сенявина уничтожала сандвичи съ икрой и спросила у графини Мартенъ, отчего она не была наканунѣ вечеромъ у г-жи Мейланъ. Тамъ былъ спектакль.

— Да, кажется, играли скандинавскую пьесу... Что же, удачно?—замѣтила Тереза.

— Да. Впрочемъ, не знаю. Я сидѣла въ зеленой гостиной подлѣ портретомъ герцога Орлеанскаго. Ко мнѣ подошелъ Ле-Мениль и оказалъ мнѣ громадную услугу; я ее ввѣкъ не забуду: онъ спасъ меня отъ Гарена.

Генераль, хранившій въ своей громадной головѣ цѣлыя тома разныхъ полезныхъ знаній и особенно любившій всевозможныя годовщины, тотчасъ же насторожился при этомъ имени.

— Гаренъ... Онъ, кажется, былъ министромъ во время изгнанія принцевъ?—спросилъ онъ.

— Да, да, вотъ именно. Я ему ужасно нравилась. Онъ говорилъ мнѣ о желаніяхъ своего сердца и смотрѣлъ на меня съ ужасающей нѣжностью. А отъ времени до времени со вздохомъ взглядывалъ на портретъ герцога Орлеанскаго. «Вы, кажется, ошиблись,—сказала я ему, наконецъ.—Это не я, а моя belle-sœur орлеанистка. Какъ разъ въ это мгновеніе подошелъ Ле-Мениль и повелъ меня въ буфетъ. Онъ наговорилъ мнѣ тысячи комплиментовъ... про моихъ лошадей. Сказалъ тоже, что ничего не можетъ быть красивѣе лѣса зимою; рассказывалъ про волковъ и волчатъ. Это меня немножко освѣжило.

Генераль, не любившій вообще молодыхъ людей, не преминулъ замѣтить, что онъ встрѣтилъ Ле-Мениля наканунѣ въ Булонскомъ лѣсу, галопирующаго чуть не сломя голову.

Онъ объявилъ, что только люди прежняго времени сохраняютъ еще славныя традиціи, а что теперешніе всѣ свѣтскіе молодые люди вѣздятъ верхомъ, какъ жокеи.

— То же самое и съ фехтованіемъ, — прибавилъ онъ. — Въ кнее время...

Но княгиня Сенявина рѣзко перебила его:

— Взгляните, генералъ, какая графиня Мартенъ хорошенька! Она всегда очаровательная, но въ эту минуту еще лучше, чѣмъ обыкновенно. Скучаетъ, а это ей илеть лучше всего. Мы съ вами страшно ей надоели. Видите, она нахмурилась, ея взглядъ блуждаетъ, во рту болѣзненные складки... Настоящая жертва!

Она вскочила, бурно обняла Терезу и убѣждала, оставивъ генерала въ полномъ недоумѣніи.

Графиня Мартенъ-Беллемъ упросила его не слушаться этой безумной женщины.

Опъ снова усѣлся и тотчасъ же спросилъ:

— Ну, что ваши поэты, графиня? — Ларивьеръ никакъ не могъ простить Терезѣ ея симпатіи ко всѣмъ писателямъ, изъ которыхъ многіе не принадлежали къ ея обществу.

— Да, какъ поживаютъ ваши поэты? Что случилось съ Шуметомъ? Онъ такъ мило бывалъ у васъ съ визитомъ въ красномъ cache-nez!

— Всѣ мои поэты меня забыли, бросили. Ни на кого нельзя рассчитывать. Ничего и никого нѣтъ вернаго на свѣтѣ. Вся жизнь сплошная измѣна. Вотъ только эта славная миссъ Белль меня не забываетъ; она недавно написала мнѣ письмо изъ Флоренціи и прислала свои стихи.

— Миссъ Белль, это такая молодая особа съ жесткими курчавыми волосами... немножко напоминаетъ собою комнатную собачку?

Генералъ въ умѣ рассчиталъ, что ей, должно быть, навѣрное, уже лѣтъ тридцать.

Въ гостиную вошли другъ за другомъ старая дама, съ скромнымъ достоинствомъ державшая свою голову съ діадемой изъ свѣдхъ волосъ, и маленькій живой человечекъ съ быстрымъ взглядомъ: г-жа Марме и Поль Вансъ. Потомъ появился Даніель Саломонъ съ моноклемъ въ глазу, какъ всегда, въ высшей степени корректный и элегантный. Генералъ отдался.

Заговорили о новомъ романѣ. Г-жа Марме, нѣсколько разъ обѣдавшая съ авторомъ, сказала, что онъ человѣкъ еще молодой и очень любезный. Поль Вансъ замѣталъ, что книга скучна.

— О, всѣ книги скучны! — вздохнула г-жа Марме. — Но люди еще скучнѣе книгъ и гораздо требовательнѣе.

При этомъ она объявила, что ея мужъ, отличавшійся изысканнымъ литературнымъ вкусомъ, до конца жизни терпѣть не могъ натурализма.

Она была вдовой члена археологической академіи и любила тще-

славно гордиться въ салонахъ положеніемъ своего покойнаго жа, впрочемъ, въ общемъ она была очень милой и скромной с бой, діадемой причесывала свои сѣдые волосы и неизмѣнно нос черныя платья.

Графиня Мартенъ сказала Даниелю Саломону, что хотѣла знать его мнѣніе о прибрѣтенной ею группѣ дѣтей.

— Это изъ Сень-Клу. Скажите мнѣ откровенно, нравится вамъ или нѣтъ. Вы тоже скажите ваше мнѣніе,—обратилась она къ Полю Вансу,—если, впрочемъ, вы не слишкомъ презираете всѣ эти бездѣлушки.

Даниель Саломонъ сквозь монокль взглянулъ на Поля Ванса горделиво вызывающимъ взглядомъ.

Полю Вансъ оглядѣлъ гостиную.

— У васъ есть очень хорошія вещи, графиня; но это ед. ничего. У васъ все только красивыя вещи и которыя идутъ къ вамъ.

Терезѣ понравился этотъ комплиментъ, и она не скрывала своего удовольствія. Она считала Поля Ванса самымъ умнымъ изъ бывающихъ у нея людей; оцѣнила его еще до того, что онъ прос. вился своими сочиненіями и сталъ извѣстенъ повсюду. Писатель не обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ, постоянно хандрилъ и былъ такъ занятъ, что держался въ сторонѣ отъ свѣта. Этотъ маленький желчный человѣчекъ, право, не былъ особенно интереснымъ гостемъ, но Тереза привлекала его. Она сильно восторгалась его глубокой ироніей, дикой гордостью и талантомъ, развившимся въ одиночествѣ, и совершенно справедливо считала его прекраснымъ выдающимся писателемъ, авторомъ чудныхъ сочиненій о нравахъ и искусствѣ.

Мало-по-малу гостиная наполнилась блестящей толпой. Въ самомъ центрѣ около хозяйки сидѣла г-жа де-Врессонъ, про которую рассказывали самыя ужасныя вещи; она двадцать лѣтъ подрядъ вела скандальную жизнь, почти не скрываясь; но, тѣмъ не менѣе, сохранила дѣтски-наивный взглядъ и такія же дѣтскія свѣжія щеки; сидѣла тоже старая г-жа де-Морленъ, пронзительно выкрикивающая разныя остроумныя шутки, живая, то-и-дѣло двигающаяся своимъ громаднымъ тѣломъ съ колоссальными формами, напоминающая собою купальщицу, окруженную пузырями; сидѣла еще г-жа Гаренъ, жена бывшаго министра, и еще три дамы; а прислонившись къ камину, стоялъ редакторъ «Journal des Débats», Бертье д'Эйзель, депутатъ; онъ поглаживалъ свои сѣдые бакенбарды, пока г-жа Морленъ кричала ему:

— Ваша статья о биметаллизмѣ... это перлъ, совершенство! Въ особенности конецъ, такое упоеніе!

Въ глубинѣ гостиной, стоя въ кружкѣ, разговаривали молодые люди, всѣ члены клуба:

— Что онъ сдѣлалъ, чтобы добиться приглашенія на охоты принца?

— Онъ ничею, а жена его все.

У нихъ была своя философія. Одинъ изъ нихъ не вѣрилъ въ общанія мужчинъ.

— Вотъ также совсѣмъ не подходящіе мнѣ типы: сердце въ рукѣ и на языкѣ. Вы хотите баллотироваться въ клубъ? Я обещаю вамъ бѣлый шаръ.. Да будетъ ли онъ бѣлый? Гипсовый шаръ! Комокъ снѣга! Баллотируются: трахъ, трюфель! Мерзкая вещь жизнь, какъ подумаешь!

— Такъ ты не думай,—сказалъ ему сосѣдъ.

Къ нимъ подошелъ Даніель Саломонъ и тихо шепталъ имъ своимъ дѣвственнымъ голосомъ разныя грязныя исторіи и тайны алькововъ. И при каждомъ новомъ разсказѣ о г-жѣ Раймонъ, г-жѣ Бертъе д'Эйзель и княгинѣ Сенявиной онъ небрежно прибавлялъ:

— Это весь свѣтъ знаетъ.

Потомъ мало-по-малу всѣ эти посѣтители удалились; остались только г-жа Марме и Поль Вансъ.

Послѣдній подошелъ къ графинѣ Мартенъ и сказалъ ей:

— Когда же вы хотите, чтобы я привелъ вамъ Дешартра?

Онъ второй разъ уже говорилъ ей объ этомъ. Тереза не любила новыхъ лицъ, но отвѣтила очень любезно:

— Вѣнгеръ скульптора? Когда хотите. Я видѣла его медальоны на выставкѣ. Очень красивы. Но онъ мало работаетъ. Это любитель, неправда ли?

— Это утонченный артистъ. Онъ не нуждается въ заработкѣ для хлѣба насущнаго и ласкаетъ свои произведенія съ влюбленной медлительностью. Но вы не думайте, графиня, онъ все знаетъ и все чувствуетъ, изъ него выработался бы геніальный скульпторъ, если бы онъ не жилъ одинъ. Я знаю его съ дѣтства. Его вообще считаютъ скучнымъ и злымъ человѣкомъ, но это страстная натура, хотя очень застѣнчивая; и чтобы добиться выдающагося мѣста въ искусствѣ, ему не хватаетъ простоты ума и никогда не будетъ ее хватать. Онъ вѣчно волнуется, смущается и портитъ этимъ самыя чудныя впечатлѣнія. По моему, онъ скорѣе созданъ не скульпторомъ, а поэтомъ или философомъ, всесторонне образованъ, и вы будете удивлены богатствомъ его ума.

Благосклонная г-жа Марме поддакивала.

Она всѣмъ нравилась тѣмъ, что всегда представлялась, что ей всѣ нравятся; слушала много и говорила мало. Сама очень благосклонная, она заставляла цѣнить свою благосклонность тѣмъ, что никогда сразу не высказывалась. Можетъ быть, графиня Мартенъ дѣйствительно ей нравилась или вообще она умѣла дѣлать видъ, что любить всѣхъ тѣ дома, гдѣ бываетъ, но во всякомъ случаѣ те-

перъ она грѣлась у камина чистѣйшаго стиля Людовика XV съ видимымъ удовольствіемъ; такая обстановка очень подходила къ ея красотѣ уже старой, доброй и снисходительной женщины. Ей не хватало только собачки для полноты картины.

— Какъ поживаетъ вашъ Тоби?—спросила ее Тереза.—Вы знакомы съ Тоби, г-нъ Вансъ? У него длинная чрная шелковистая шерсть и самая очаровательная морлочка.

Г-жа Марме смаковала эти восхваленія своего Тоби, когда въ гостиную вошелъ блѣло-розовый старичекъ съ завитыми волосами, страшно близорукій, почти слѣпой, хотя и въ золотыхъ очкахъ; онъ все время натыкался на мебель, раскланивался съ пустыми креслами, бросался на зеркала и своимъ крючковатымъ носомъ чуть не зацѣпилъ г-жу Марме, съ негодованіемъ взянувшую на него.

Это былъ Шмолль, тоже членъ археологической академіи. Онъ улыбался, гримасничалъ и кривлялся; говорилъ графинѣ Мартенъ мадригалы своимъ еврейскимъ жирнымъ, грубоватымъ голосомъ, тѣмъ же тономъ, какимъ его предки евреи убѣждали своихъ должниковъ скорѣе платить долги,—а должники эти были эльзасскіе, польскіе и крымскіе крестьяне. Онъ медленно тянулъ слова, неумѣло составляя фразы. Этотъ великій филологъ, членъ Института Франціи зналъ буквально всѣ языки на свѣтѣ, кромѣ французскаго. И графиня Мартенъ подсмѣивалась надъ его тяжесловными, какъ бы заржавленными любезностями, похожими на старыя заржавленные подковы; среди нихъ изрѣдка падали сухіе цвѣты антологіи. Шмолль былъ любителемъ поэтовъ и женщинъ и отличался остроуміемъ.

Г-жа Марме сдѣлала видъ, что не знакома съ нимъ и вышла изъ гостиной, не отвѣтивъ на его поклонъ.

Истощивъ весь запасъ своихъ любезностей, Шмолль сдѣлался сѣмрачнымъ и жалкимъ. Онъ сталъ жаловаться на всѣхъ и на все. А главное, нылъ о самомъ себѣ; говорилъ, что у него мало орденовъ, что онъ мало получаетъ и скверно помѣщенъ, что и онъ, и его жена, и пять дочерей терпятъ во всемъ недостатки. Онъ жаловался не безъ величія, въ немъ была нѣкоторая доля души Іезекіиля и Іереміи.

Къ несчастью, пристально разглядывая столъ, столѣние и медъ нимъ, и чуть не тыкаясь въ него носомъ, онъ увидалъ на немъ книгу Вивіанъ Белль.

— А, это «Бѣлокурая Изольда»!—воскликнулъ онъ, вставая съ горечью.—Вы читаете эту книгу, графиня? Такъ зовутъ эту книгу Вивіанъ Белль украла у меня одну древнюю надпись, которую я потому же измѣнила ее, передѣлавъ въ стихи. Вы найдете въ этомъ сборникѣ этого сборника: